

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Сказка о рыбаке Халифе

Рассказывают также, – начала новую сказку Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы в городе Багдаде человек–рыбак, по имени Халифа, и был это человек бедный по состоянию, который никогда еще в жизни не женился. И случилось в один день из дней, что он взял сеть и отправился с нею, по обычаю, к реке, чтобы половить раньше рыбаков. И, придя к реке, он подпоясался, подоткнул платье и подошел к реке и, развернув свою сеть, закинул ее первый раз и второй раз, но в ней ничего не поднялось. И он закидывал ее до тех пор, пока не закинул десять раз, и не поднялось в ней совсем ничего. И стеснилась грудь рыбака, и смутились мысли его, и он воскликнул: "Прошу прощения у Аллаха великого, кроме которого пет бога, живого, самосущего, и возвращаюсь к нему! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Чего хочет Аллах, то бывает, а чего не хочет он, то не бывает! Надел – от Аллаха, – велик он и славен! И когда дает Аллах рабу, не отказывает ему никто, а когда отказывает Аллах рабу, не дает ему никто!" И потом, от охватившего его великого огорчения, он произнес такие два стиха:

"Когда поражает рок своею превратностью,

Терпение ты готовь и грудь для него расправь,

Поистине, ведь господь миров, в своей щедрости

И милости, после горя даст облегчение".

И он посидел немного, размышляя о своем деле, и склонил голову к земле, а потом произнес такие стихи:

"Терпи и сладость дней, терпи и гореть их,

И знай – Аллах всегда достигнет дел своих,

Ведь похожа ночь огорчения на нарыв порой,

И вожусь я с ним, пока удастся проткнуть его.

Проходят часто превратности над юношей

И кончаются, и ему на ум не приходят вновь".

И пот ом он сказал про себя: "Брошу еще этот раз и положусь на Аллаха. Может быть, он не обманет моей надежды". И он подошел и бросил сеть в реку, размахнувшись на длину руки, и свернул веревки и подождал некоторое время, а потом он потянул сеть и нашел ее тяжелой..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать вторая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа–рыбак закинул сеть в реку несколько раз и в ней ничего не поднялось, он стал размышлять о своем деле и произнес предыдущие стихи, а потом сказал про себя: "Брошу еще раз и положусь на Аллаха. Может быть, он не обманет моей надежды". И он поднялся и закинул сеть и подождал некоторое время, а затем он потянул сеть и нашел ее тяжелой. И, почувствовав, что сеть тяжелая, рыбак стал действовать с нею осторожно и тянул ее до тех пор, пока она не вышла на сушу. И вдруг в ней оказалась обезьяна, одноглазая и хромая! И, увидав ее, Халифа воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Что это за скверное счастье и зловещее предзнаменование! Что случилось со мной в этот благословенный день! Но все это – по предопределению великого Аллаха!"

И потом он взял обезьяну и привязал ее на веревку и, подойдя к дереву, висевшему на берегу реки, привязал к нему обезьяну. А с рыбаком был бич, и он взял его в руку и поднял в воздухе и хотел опустить его на обезьяну, но Аллах заставил эту обезьяну говорить ясным языком, и она сказала: "О Халифа, удержи твою руку и не бей меня. Оставь меня привязанной к этому дереву, ступай к реке и закинь твою сеть, полагаясь на Аллаха, – он принесет тебе твой надел".

И, услышав слова обезьяны. Халифа взял сеть, подошел к реке и закинул ее, отпустив веревки, а потом он потянул сеть и нашел, что она тяжелей, чем в первый раз. И он до тех пор бился над сетью, пока она не вышла на берег, и вдруг в ней оказалась другая обезьяна с расставленными зубами, насурмленными глазами и накрашенными руками, и рта обезьяна смеялась, а вокруг пояса у нее была рваная тряпка. И Халифа воскликнул: "Хвала Аллаху, который заменил рыб в реке обезьянами!" А затем он подошел к той обезьяне, что была привязана к дереву, и сказал ей: "Посмотри, о злосчастная, как скверно то, что ты мне посоветовала! Никто не натолкнул меня на вторую обезьяну, кроме тебя, и когда ты пожелала мне доброго утра, с твоей хромотой и одноглазостью, я стал побежден и утомлен и не владел ни дирхемом, ни динаром!"

И он взял в руки дубинку и, покрутив ею в воздухе три раза, хотел опустить ее на обезьяну, и та воззвала к Аллаху о помощи и сказала рыбаку: "Прошу тебя, ради Аллаха, прости меня ради этого моего товарища и проси у него то, что тебе нужно: он приведет тебя к тому, что ты желаешь". И Халифа бросил дубинку и простил обезьяну, а потом он подошел ко второй обезьяне и остановился подле нее, и обезьяна сказала: "О Халифа, тебе не будет от этих слов никакого проку, если ты не выслушаешь того, что я тебе скажу, а если ты меня выслушаешь и послушаешься меня и не станешь мне перечить, я буду причиной твоего богатства". – "Что ты мне скажешь, чтобы мне тебя послушаться?" – спросил Халифа. И обезьяна сказала: "Оставь меня здесь привязанной, пойди к реке и закинь твою сеть, а я тебе скажу, что тебе после этого делать".

И Халифа взял сеть и пошел к реке и закинул сеть и подождал над нею немножко, а потом он потянул сеть и нашел ее тяжелой. И он бился над сетью, пока не поднял ее на сушу, и вдруг в ней оказалась еще одна обезьяна, но только эта обезьяна была красная, и вокруг пояса у нее была синяя тряпка, и у псе были накрашены руки и ноги и насурмлены глаза. И, увидав ее. Халифа воскликнул: "Слава Аллаху великому, слава властителю власти! Поистине, сегодняшний день благословен с начала до конца, ибо звезда его принесла счастье в лице первой обезьяны, а содержание страницы видно по заглавию. Сегодняшний день – день обезьян, и не осталось в реке ни одной рыбы, и мы вышли сегодня лишь для того, чтобы ловить обезьян. Хвала Аллаху, который заменил рыб обезьянами!"

И потом он обратился к третьей обезьяне и спросил ее: "А ты что еще такое, о злосчастная?" И обезьяна сказала ему: "Разве ты не знаешь меня, о Халифа?" – "Нет", – отвечал Халифа. И обезьяна сказала: "Я обезьяна Абу–с–Саадата, еврея–менялы". – "А что ты делаешь?" – спросил Халифа. И обезьяна ответила: "Я желаю ему доброго утра в начале дня, и он наживает пять динаров, и желаю ему доброго вечера в конце дня, и он наживает пять динаров". И Халифа обратился к первой обезьяне и сказал ей: "Посмотри, о злосчастная, какие у людей хорошие обезьяны! А ты? Ты желаешь мне доброго утра своей хромотой и одноглазостью и зловещим видом, и я стану бедным, разоренным и голодным".

И он взял дубинку и покрутил ею в воздухе три раза и хотел опустить ее на обезьяну, но обезьяна Абу–с–Саадата сказала ему: "Оставь ее, о Халифа, убери твою руку и подойди ко мне, а я тебе скажу, что тебе делать". И Халифа кинул из руки дубинку и, подойдя к обезьяне,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

спросил ее: "Что ты мне скажешь, о госпожа всех обезьян?" И обезьяна сказала: "Возьми сеть и закинь ее с реку и оставь меня с этими обезьянами сидеть с тобой, и что бы для тебя в ней ни поднялось, подай это и подойди ко мне, и я расскажу тебе что-то, что тебя обрадует..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать третья ночь

Когда же настала восемьсот тридцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда обезьяна Абу-с-Саадата сказала Халифе: "Возьми твою сеть и закинь ее в реку, и все, что поднимется в ней для тебя, подай и подойди ко мне, а я расскажу тебе что-то, что тебя обрадует", – Халифа ответил: "Слушаю и повинуюсь!"

А потом он взял сеть, свернул ее и положил на плечо и произнес такие стихи:

"Сжимается когда грудь, взываю к создателю

Ведь властен он облегчить все трудное людям.

Еще не вернулся взор, а милостью господа

Разбитое цело вновь, и пленник свободен.

Вручи же Аллаху ты дела свои полностью,

Ведь милости господа всяк видящий знает".

И еще он произнес такие два стиха:

"Ты тот, кто люден всех вверх в великие тяготы,

Сотри же заботы ты и бедствий причины,

Мне жадности не внушай к тому, чего не добыть,

Сколь многих желающих желанья не сбылись!"

А окончив свои стихи, Халифа подошел к реке и закинул в нее сеть и подождал над нею немного, а затем он потянул ее, и вдруг оказалось, что в ней рыба-окунь, большеголовая и с хвостом, точно поварешка, а глаза у нее были как два динара. И, увидев эту рыбу, Халифа обрадовался, так как он ни разу в жизни не поймал ей подобной, и взял ее, дивясь на нее, и принес ее к обезьяне Абу-с-Саадата еврея, и был таков, как будто он овладел целым светом. И обезьяна еврея спросила его: "Что ты будешь с ней делать, о Халифа, и как ты поступишь с твоей обезьяной?" И Халифа молвил: "Я расскажу тебе, о госпожа всех обезьян, что я сделаю. Знай, что прежде всего я придумаю, как погубить эту проклятую, мою обезьяну, и возьму тебя вместо нее и буду тебя каждый день кормить чем пожелаешь". "Раз ты избрал меня, – сказала обезьяна, – я скажу тебе, как сделать, и будет в этом благо твоего состояния, если захочет великий Аллах. Пойми же то, что я тебе скажу. Приготовь и для меня тоже веревку и привяжи меня к дереву и оставь меня, а сам же выйди на середину отмели и закинь твою сеть в реку Тигр. А когда закинешь ее, подожди немного и вытяни ее: ты найдешь в ней рыбу, прекраснее которой ты не видал за всю твою жизнь. Принеси ее и подойди ко мне, а я скажу тебе, что делать потом".

И Халифа поднялся в тот же час и минуту и закинул сеть в реку Тигр и вытянул ее и увидел в ней рыбу белугу величиной с барашка, подобной которой он не видал за всю жизнь, и она была больше первой рыбы. И Халифа взял ее и пошел к обезьяне, и обезьяна сказала ему: "Принеси немного зеленой травы и положи половину ее в корзину, и положи рыбу на траву и прикрой се другой половиной. Оставь нас привязанными, поставь корзину на плечо и пойди с нею в город Багдад и никому, кто с тобой заговорит или тебя спросит, не давай ответа, пока не придашь на рынок менял. Ты найдешь в глубине рынка лавку моего хозяина, Абу-с-Саадата еврея, шейха менял, и увидишь, что он сидит на кресле, с подушкой за спиной, и перед ним стоят два сундука, один для золота, другой для серебра, и возле него – невольники, рабы и слуги. Подойди к нему и поставь перед ним корзинку и скажи ему: "О Абу-с-Саадат, я сегодня вышел на ловлю и закинул сечь на твое имя, и послал Аллах великий эту рыбу". И он тебе скажет: "Показывал ли ты ее другому?" А ты скажи: "Нет, клянусь Аллахом!" И он возьмет у тебя рыбу и даст тебе динар, а ты верни его ему, и он даст тебе два динара, и всякий раз, как он тебе что-нибудь даст, возвращай это, и даже если бы он дал тебе вес рыбы Золотом, не бери у него ничего. И он скажет тебе: "Скажи мне, что ты хочешь?" И ты скажи: "Клянусь Аллахом, я продам ее только за два слова". И когда он тебя спросит: "А что это за два слова?" скажи ему: "Встань на ноги и скажи: "Засвидетельствуйте, о те, кто есть на рынке, что я променял обезьяну Халифы-рыбака на мою обезьяну и обменял ею долю на мою долю и его счастье на мое счастье". И вот плата за рыбу, и не нужно мне золота". И когда он это сделает, я стану каждый день желать тебе доброго утра и доброго вечера, и ты будешь каждый день наживать десять динаров золотом. А Абус-Саадату еврею будет желать доброго утра его обезьяна, эта кривая, хромая, и Аллах каждый день будет испытывать его штрафом, который он станет платить. И это будет так, пока он не обеднеет и не окажется совсем без ничего. Послушайся же того, что я тебе говорю: будешь счастлив и пойдешь прямым путем!"

И когда Халифа-рыбак услышал слова обезьяны, он сказал: "Я принимаю то, что ты мне посоветовала, о царь всех обезьян, а что касается этого злосчастного, – да не благословит его Аллах! – я не знаю, что мне с ним делать". – "Отпусти его в воду и отпусти меня тоже", – сказала обезьяна. И Халифа отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И он подошел к обезьянам и развязал их и оставил, и они спустились в море, а Халифа подошел к рыбе, взял ее и вымыл и положил под нее в корзину зеленой травы и прикрыл ее тоже травой, и понес ее на плече, напевая такую песенку:

"Вручи дела господину небес и спасешься ты,

И доброе совершай всю жизнь, не горя, ты

Людей обвиненных избегай – обидит тебя",

Язык придержи и не бранись – побранят тебя..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать четвертая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа-рыбак кончил петь, он понес корзину на плече и пошел и шел до тех пор, пока не вошел в город Багдад.

И когда он вошел, люди узнали его и стали ему кричать, говоря: "Что с тобой, о Халифа?" Но Халифа не обращал ни на кого внимания, пока не пришел на рынок менял. И он прошел мимо лавок, как наказывала ему обезьяна, и заметил того еврея и увидел, что он сидит в лавке, а слуги прислуживают ему, и он – точно царь из царей Хорасана. И, увидав еврея, Халифа узнал его и подошел и остановился перед ним, и еврей поднял к нему голову и узнал его и сказал: "Привет тебе, о Халифа, какое у тебя дело и чего ты хочешь? Если кто-нибудь с тобой заговорил или поспорил, скажи мне. Я пойду с тобой к вали, и он возьмет для тебя с него должное!" – "Нет, клянусь жизнью твоей головы, о начальник евреев, – ответил Халифа. – Со мной никто не заговаривал, но я вышел сегодня из дому, на твоё счастье, и пошел к реке и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

закинул сеть в Тигр, я поймалась вот эта рыба".

И он открыл корзину и бросил рыбу перед евреем, и когда еврей увидел ее, он нашел ее прекрасной и воскликнул: "Клянусь торой и десятью заповедями, я вчера спал и видел во сне, что я стою перед Девой и она говорит мне: "Знай, о Абу–с–Саадат, что я послала тебе хороший подарок". Наверное, подарок – эта рыба, без сомнения!" И затем он обернулся к Халифе и спросил его: "Заклинаю тебя твоей верой: видел ли ее кто–нибудь, кроме меня?" И Халифа ответил: "Нет, клянусь Аллахом! Клянусь Абу–Бекром Правдивым, о начальник евреев, ее не видел никто, кроме тебя". И еврей обернулся к одному из своих слуг и сказал ему: "Пойди сюда, возьми эту рыбу и ступай с нею домой, и пусть Суада ее приготовит, сжарит и поджарит к тому времени, как я кончу работу и приду". И Халифа тоже сказал ему: "Ступай, мальчик, и пусть жена хозяина изжарит часть рыбы и поджарит часть ее". И слуга отвечал: "Слушаю и повинуюсь, о господин!" И затем он взял рыбу и пошел с ней домой.

А что касается еврея, то он протянул руку с динаром и дал его Халифа–рыбаку, говоря: "Возьми это себе, о Халифа, и трать на твою семью". И когда Халифа увидел динар у себя в руке, он воскликнул: "Слава властителю власти!", точно он никогда в жизни не видал ни кусочка Золота, и взял динар и прошел немного. Но потом он вспомнил наставление обезьяны и вернулся и бросил еврею динар и воскликнул: "Возьми твое золото и отдай людям их рыбу! Разве люди для тебя посмешище?" И еврей, услышав его слова, подумал, что он с ним шутит, и дал ему два динара сверх первого динара, но Халиф сказал: "Подавай рыбу, без шуток! Разве ты не Знаешь, что я продаю рыбу за такую пену?" И еврей протянул руку еще к двум и сказал Халифе: "Возьми эти пять динаров в уплату за рыбу и брось жадничать!" И Халифа взял деньги в руку и ушел с ними, радуясь, и он смотрел на золото, дивясь на него и говоря: "Слава Аллаху! Нет у халифа Багдада того, что есть у меня в сегодняшний день!"

И он шел до тех пор, пока не пришел к началу рынка, и тогда он вспомнил слова обезьяны и наставление, которое она ему дала, и вернулся к еврею и бросил ему золото. "Что с тобой, о Халифа, что тебе нужно? Ты хочешь взять свои динары дирхемами?" – спросил его еврей. И Халифа сказал: "Я не хочу ни дирхемов, ни динаров, я хочу только, чтобы ты отдал мне чужую рыбу". И еврей рассердился и закричал на Халифу и сказал: "О рыбак, ты приносишь мне рыбу, но стоящую и динара, а я тебе даю за нее пять динаров, а ты недоволен! Бесноватый ты, что ли? Скажи мне, за сколько ты ее продаешь?" – "Я не продам ее ни за серебро, ни за золото, я продам ее только за два слова, которые ты мне скажешь", – ответил Халифа. И когда еврей услышал эти слова, глаза его поднялись к темени, у него захватило дыхание, и он заскрежетал зубами и крикнул: "О обрезокмусульман, разве ты хочешь, чтобы я расстался с моей верой ради твоей рыбы и желаешь испортить мою религию и исповедание, в котором я нашел, прежде меня, моих отцов?"

И он кликнул своих слуг, и когда те появились перед ним, сказал им: "Горе вам, вот перед вами этот злосчастный – разбейте ему затылок затрещинами и умножьте его муки побоями!" И слуги набросились на Халифу с побоями и били его до тех пор, пока он не упал возле лавки. И тогда еврей сказал им: "Отпустите его, чтобы он встал". И Халифа вскочил на ноги, словно с ним ничего не было, и еврей сказал ему: "Говори, что ты хочешь в уплату за эту рыбу, и я тебе дам. Но ты не получил от нас сейчас ничего хорошего". – "Не бойся за меня, изза побоев, хозяин, я съедаю столько ударов, как десять ослов", – сказал Халифа. И еврей рассмеялся его словам и воскликнул: "Заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, что ты хочешь, и клянусь моей верой – я дам это тебе". – "Не удовлетворит меня, как плата от тебя за эту рыбу, ничто, кроме двух слов", – ответил Халифа. И еврей сказал: "Я полагаю, ты хочешь, чтобы я принял ислам?" – "Клянусь Аллахом, о еврей, – ответил Халифа, – если ты станешь мусульманином, твой ислам не поможет мусульманам и не повредит евреям, а если ты останешься нечестивым, твое нечестие не повредит мусульманам и не поможет евреям. Но вот чего я от тебя требую: встань на ноги и скажи: "Засвидетельствуйте, о люди на рынке, что я променял обезьяну Халифы–рыбака на мою обезьяну и мою долю в жизни на его долю и мое счастье на его счастье". "Если это и есть твое желание, то оно для меня легко", – сказал еврей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать пятая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что еврей сказал Халифе–рыбаку: "Если это есть твое желание, то оно для меня легко". И еврей поднялся в тот же час и минуту и встал на ноги и сказал так, как сказал Халифа–рыбак, а потом он обернулся к нему и спросил: "Осталось ли тебе с меня еще что–нибудь?" – "Нет", – отвечал Халиф. И еврей сказал: "С миром!"

И Халифа в тот же час и минуту поднялся, взял свою корзину и сеть и пошел к реке Тигру. И он закинул сеть и потянул ее и нашел ее тяжелой и вытянул ее только после стараний. И, вытянув сеть, он увидел, что она наполнена рыбой всех сортов. И подошла к нему женщина с блюдом и дала ему динар, а Халифа дал ей на него рыбы, и подошел к нему другой слуга и взял у него на динар, и так продолжалось, пока он не продал рыбы на десять динаров, и каждый день он продавал на десять динаров, до конца десяти дней, так что набрал сто динаров золотом.

А у этого рыбака был дом, внутри прохода купцов. И в одну ночь из ночей рыбак лежал у себя в доме и сказал себе: "О Халифа, все люди знают, что ты бедный человек, рыбак, а теперь у тебя оказалось сто золотых динаров. Непременно услышит твою историю повелитель правоверных Харун ар–Рашид от кого–нибудь из людей, и, может быть, ему понадобятся деньги, и он пошлет за тобой и скажет: "Мне нужно некоторое количество денег. И дошло до меня, что у тебя есть сто динаров, одолжи их мне". И я скажу ему: "О повелитель правоверных, я человек бедный, и тот, кто тебе рассказал, что у меня есть сто динаров, налгал на меня. Ни со мной, ни у меня ничего такого нет". И халиф передаст меня вали и скажет ему: "Обнажи его от одежды, и мучай его побоями, и заставь его сознаться: может быть, он признается, что у него есть золото в сундуке". Бот правильное решение, которое освободит меня из этой ловушки: я сейчас встану и буду пытать себя бичом, чтобы закалиться против побоев". И гашиш, которого рыбак наелся, сказал ему: "Встань, обнажись от одежды". И он тотчас же и в ту же минуту встал, обнажился от одежды и взял в руку бывший у него бич. А у него была кожаная подушка, и он стал бить раз по этой подушке и раз по своей коже, и начал кричать: "Ах, ах, клянусь Аллахом, это пустые слова, о господин мой, и они лгут на меня. Я бедный человек, рыбак, и нет у меня ничего из благ мира!"

И люди слышали, как Халифа–рыбак сам себя пытает и ударяет бичом по подушке (а от звука ударов по его телу и по подушке ночью стоял гул). И в числе тех, кто его слышал, были купцы, и они сказали: "Посмотри–ка! Чего этот бедняга кричит, и мы слышим, как на него опускаются удары. Похоже, что на него напали воры, и это они его пытают". И они все пошли на звук ударов и криков и вышли из своих жилищ и пришли к дому Халифы и увидели, что он заперт, и сказали друг другу: "Может быть, воры напали на него, зайдя за комнату; нам следует поэтому войти через крышу".

И они поднялись на крышу и спустились через отверстие в ней и увидели, что Халифа голый и пытает самого себя. И они сказали ему: "Что с тобой, о Халифа, в чем твое дело?" И Халифа ответил: "Знайте, о люди, что у меня оказалось несколько динаров, и я боюсь, что о моем деле донесут повелитель правоверных Харуну арРашиду, и он призовет меня к себе и потребует от меня эти динары, и я начну отрицать. И если я буду отрицать, л боюсь, что он станет меня мучить. И вот я сам себя мучаю и делаю это, чтобы закалиться против того, что будет". И купцы стали над ним смеяться и сказали: "Брось такие дела, да не благословит Аллах тебя и динары, которые пришли к тебе. Ты встревожил пас сегодня ночью и устроил наши сердца".

И Халифа перестал бить себя и проспал до утра, а поднявшись от сна, он хотел идти на работу и подумал о сотне динаров, которая оказалась у него, и сказал про себя: "Если я оставлю их дома, их украдут воры, а если я положу их в карман на поясе, их, может быть, кто–нибудь увидит и выследит меня, когда я буду один в месте, где пет людей, и убьет меня и возьмет их. Но я сделаю некую хитрость, прекрасную и очень полезную". И он в тот же час и минуту поднялся и пришел себе карман к воротнику халата и, завязав сотню динаров в мешочек, положил его в карман, который он сделал. А затем он поднялся и взял свою сеть, корзину и палку и шел, пока не дошел до реки Тигр..."

И Шахразаду застигло утро, и сна прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать шестая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала восемьсот тридцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Халифа–рыбак положил сотню динаров в карман, взял корзину, палку и сеть и пошел к реке Тигру.

Он закинул в нее сеть и потянул ее, но для него ничего не поднялось, и тогда он перешел с этого места на другое место и закинул там сеть, но для него ничего не поднялось. И он переходил с места на место, пока не отдалился от города на расстояние половины дня пути, и тебе закидывал сеть, по ничего для него не поднималось. И тогда он сказал в душе: "Клянусь Аллахом, я брошу сеть в воду еще только этот раз. Либо будет, либо пет!" И он бросил сеть с великой решимостью от сильного гнева, и мешок, в котором была сотня динаров, вылетел из его воротника, упал посреди реки и исчез, увлекаемый силой течения. И Халифа бросил из рук сеть, обнажился от одежды и, оставив ее на берегу, нырнул за мешком, и он нырял и выплывал около сотни раз, пока его силы не ослабели, и он одурел и не нашел этого мешка.

И когда Халифа отчаялся найти его, он вышел на берег и увидел только палку, сеть и корзину. И он начал искать свою одежду, но не нашел и следа ее. И тогда он сказал себе: "Правильно говорится в поговорке: "Паломничество не завершено без сношения с верблюдом". И он развернул сеть и завернулся в нее и, взяв в руки палку, поставил корзину на плечо, и пошел, и понесся, как распаленный верблюд, и, бегая направо и налево, взад и вперед, взлохмаченный, покрытый пылью, точно взбунтовавшийся ифрит, когда он вырвется из Сулеймановой тюрьмы.

Вот что было с Халифов рыбаком.

Что же касается халифа Харуна Рашида, то у него был приятель ювелир, которого звали Ибн аль–Кирнас, и все люди, купцы, посредники и маклера знали, что Ибаль–Кирнас – купец халифа, и все, что продавали в городе Багдаде и других местах из драгоценных вещей, не продавали раньше, чем покажут ему, и в том числе невольников и невольниц. И когда этот купец, то есть Ибаль–Кирнас, сидел в один день из дней в своей лавке, вдруг подошел к нему староста посредников, и с ним была невольница, подобной которой не видели видящие. И была она до пределов красива, прекрасна, стройна и соразмерна, и в числе ее достоинств было то, что она была осведомлена во всех науках и искусствах, нанизывала стихи и играла на всех музыкальных инструментах. И купил ее Ибн аль–Кирнас, ювелир, за пять тысяч динаров золотом и одел ее на тысячу динаров и привел ее к повелителю правоверных. И эта невольница провела подле него ночь, и халиф испытывал ее во всех науках и во всех искусствах и увидел, что она сведуща во всех науках и ремеслах, и нет ей, в ее век, равной. А было ей имя Кут–аль–Кулуб, и была она такова, как сказал поэт:

Я взгляд возвращаю к ней, откроет когда лицо,

Она ж уклоняется от взора повторно.

Газель назад наклонит шеей, коль обернется к нам.

Газели, как сказано, назад смотрят часто.

Но где этому до слов другого:

На помощь от смертного, чью гибкость покажут нам

Высокие, стройные самхарские копы,

Печальны его глаза, пушок его шелковист,

И в сердце больно от любви его место.

А когда наступило утро, халиф Харун ар–Рашид послал за Ибн аль–Кирнасом, ювелиром, и когда тот явился, назначил ему десять тысяч динаров в уплату за эту невольницу. И сердце халифа стало занято этой невольницей, названной Кут–аль–Кулуб, и он оставил Ситт–Зубейду, дочь аль–Касима (а она была дочерью его дяди) и оставил всех любимиц и просидел целый месяц, выходя от этой невольницы только на пятничную молитву, а затем он тотчас же возвращался к ней.

И это стало тревожным для вельмож правления, и они пожаловались на это дело везиру Джафару Барманиду. И везирь выждал, пока не наступил день пятницы, и вошел в соборную мечеть, и встретился с повелителем правоверных, и стал ему рассказывать все, какие ему встречались дикие истории, связанные с любовью, чтобы выведать, что с ним такое. И халиф сказал ему: "О Джафар, клянусь Аллахом, это дело случилось со мной не по доброй моей воле, но мое сердце завязло в сети любви, и я не знаю, что делать". – "Знай, о повелитель правоверных, – ответил Джафар, – что эта твоя любимица, Кут–аль–Кулуб, стала тебе подвластна и сделалась одной из твоих служанок, а чем владеет рука, того не хочет душа. Я скажу тебе еще и другую вещь: самое лучшее, чем похваляются цари и царевицы, это охота и облава и умение пользоваться случаем и веселиться. И если ты так сделаешь, ты, может быть, отвлечешься от нее, а может быть, ты ее забудешь". – "Прекрасно то, что ты сказал, о Джафар, – воскликнул халиф. Поедем сейчас же, сию же минуту на охоту".

И когда кончилась пятничная молитва, они вышли из мечети и в тот же час и минуту сели и поехали на охоту и ловлю..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восьмьсот тридцать седьмая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Харун ар–Рашид отправился с Джафаром па охоту и ловлю, и они поехали и достигли пустыни. И повелитель правоверных и везирь Джафар ехали верхом на мулах, и они занялись беседой, и войско опередило их.

А их палил зной, и ар–Рашид сказал: "О Джафар, мной овладела сильная жажда". А потом ар–Рашид напряг зрение и увидел какую–то фигуру на высокой куче и спросил везиря: "Видишь ли ты то, что я вижу?" – "Да, о повелитель правоверных, – ответил везирь, – я вижу какую–то фигуру на высокой куче, и это либо сторож сада, либо сторож огорода, и при всех обстоятельствах в той стороне не может не быть воды. Я поеду к нему и принесу тебе от него воды", – сказал потом везирь. Но ар–Рашид молвил: "Мой мул быстрее твоего мула. Постой здесь, из–за войска, а я поеду сам, напьюсь у этого человека и вернусь".

И ар–Рашид погнал своего мула, и мул помчался, как ветер в полете или вода в потоке, и неся до тех пор, пока не достиг этой фигуры во мгновение ока. И оказалось, что фигура – не кто иной, как Халифа–рыбак.

И ар–Рашид увидел, что он голый и завернулся в сеть и глаза его так покраснели, что стали, как огненные факелы, и облик его был ужасен, и стан изгибался, и он был взлохмаченный, запыленный, точно ифрит или лев.

И ар–Рашид пожелал ему мира, и Халифа возвратил ему пожелание, разъяренный, и его дыхание пылало огнем.

И ар–Рашид спросил его: "О человек, есть у тебя немного воды?" – "Эй, ты, – отвечал Халифа, – слепой ты, что ли, или бесноватый? Вот тебе река Тигр – она за этой кучей".

И ар–Рашид зашел за кучу и спустился к реке Тигру, и напился и напоил мула, а затем он тотчас же и в ту же минуту поднялся и, вернувшись к Халифе–рыбаку, спросил его: "Чего это ты, о человек, стоишь здесь, и каково твое ремесло?" – "Этот вопрос удивительней и дикий, чем твой вопрос про воду, – ответил Халифа. – Разве ты не видишь принадлежности моего ремесла у меня на плече?" – "Ты как

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

будто рыбак", – сказал ар–Рашид. "Да", – молвил Халифа. И ар–Рашид спросил:

"А где же твой халат, где твоя повязка, где твой пояс и где твоя одежда?" А вещи, что пропали у Халифы, были подобны тем, которые назвал ему халиф, одна к одной.

И, услышав от халифа эти слова, Халифа подумал, что это он взял его вещи на берегу реки, и в тот же час и минуту спустился с кучи, быстрее разящей молнии и, схватив мула халифа за узду, сказал ему: "О человек, подай мне мои вещи и брось играть и шутить!" И халиф воскликнул: "Клянусь Аллахом, я не видал твоих вещей и не знаю их!" А у ар–Рашида были большие щеки и маленький рот, и Халифа сказал ему: "Может быть, ты по ремеслу певец или флейтист? Но подай мне мою одежду по–хорошему, а не то я буду бить тебя этой палкой, пока ты не обольешься и не замараешь себе одежду".

И халиф, увидав палку Халифа–рыбака и его превосходство над ним, сказал себе: "Клянусь Аллахом, я не вынесу от этого безумного нищего и пол–удара такой палкой!" А на ар–Рашид с был атласный кафтан, и он снял его и сказал Халифе: "О человек, возьми этот кафтан вместо твоей одежды". И Халифа взял его и повертел в руках и сказал: "Моя одежда стоит десяти таких, как этот пестрый халат". – "Надень его пока, а я принесу тебе твою одежду", – сказал ар–Рашид. И Халифа взял кафтан и надел его и увидел, что он ему длинен. А у Халифы был нож, привязанный к ушку корзины, и он взял его и обрезал полы кафтана примерно на треть, так что он стал доходить ему ниже колен, и обернулся к ар–Рашиду и сказал ему: "Ради достоинства Аллаха, о флейтист, расскажи мне, сколько тебе полагается каждый месяц жалованья от твоего господина за искусство играть на флейте?" – "Мое жалованье каждый месяц – десять динаров золотом", – сказал халиф. И Халифа воскликнул: "Клянусь Аллахом, о бедняга, ты обременил меня твоей заботой! Клянусь Аллахом, эти десять динаров я зарабатываю каждый день! Хочешь быть со мной, у меня в услужении? Я научу тебя искусству ловить и стану делиться с тобой заработком, так что ты каждый день будешь работать на пять динаров и сделаешься моим слугой, и я буду защищать тебя от твоего господина этой палкой". – "Я согласен на это", молвил ар–Рашид. И Халифа сказал: "Сойди теперь со спины ослицы и привяжи ее, чтоб она помогала нам возить рыбу, и пойди сюда – я научу тебя ловить сейчас же".

И ар–Рашид сошел со своего мула и, привязав его, заткнул полы платья вокруг пояса, и Халифа сказал ему:

"О флейтист, возьми сеть вот так, положи ее на руку вот так и закинь ее в реку Тигр вот так". И ар–Рашид укрепил свое сердце и сделал так, как показал ему Халифа, и закинул сеть в реку Тигр и потянул ее, но не мог вытянуть. И Халифа подошел к нему и стал ее тянуть, но оба не смогли ее вытянуть. "О злосчастный флейтист, – сказал тогда Халифа, – если я в первый раз взял твой кафтан вместо моей одежды, то на этот раз я возьму у тебя ослицу за мою сеть, если увижу, что она разорвалась, и буду бить тебя палкой, пока ты не обольешься и не обделаешься". – "Потянем с тобой вместе", – сказал ар–Рашид. И оба потянули и смогли вытянуть эту сеть только с трудом, и, вытянув ее, они посмотрели и вдруг видят: она полна рыбы всех сортов и всевозможных цветов..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать восьмая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа–рыбак вытянул сеть вместе с халифом, они увидели, что она полна рыбы всех сортов, и Халифа сказал: "Клянусь Аллахом, о флейтист, ты скверный, но если ты будешь усердно заниматься рыбной ловлей, то станешь великим рыбаком. Правильно будет, чтобы ты сел на твою ослицу, поехал на рынок и привез пару корзин; а я посторожу рыбу, пока ты не приедешь, и мы с тобой нагрузив ее на спину твоей ослицы. У меня есть весы и гири и все, что нам нужно, и мы возьмем все это с собой, и ты должен будешь только держать весы и получать деньги. У нас рыбы на двадцать динаров. Поторопись же привести корзины и не мешкай". И халиф отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" – и оставил рыбака и оставил рыбу и погнал своего мула в крайней радости. И он до тех пор смеялся из–за того, что случилось у него с рыбаком, пока не приехал к Джафару.

И, увидав его, Джафар сказал: "О повелитель правоверных, наверное, когда ты поехал пить, ты нашел хороший сад и вошел туда и погулял там один?" И, услышав слова Джафара, ар–Рашид засмеялся. И все Бармакиды поднялись и поцеловали землю меж его рук и сказали: "О повелитель правоверных, да увековечит Аллах над тобой радости и да уничтожит над тобой огорчения! Какова причина того, что ты задержался, когда поехал пить, и что с тобой случилось?" – "Со мной случилась диковинная история и веселое, удивительное дело", – ответил халиф. И затем он рассказал им историю с Халифой–рыбаком и рассказал о том, что у него с ним случилось, как Халифа ему сказал: "Ты украл мою одежду", и как он отдал ему свой кафтан и рыбак обрезал кафтан, увидав, что он длинный.

"Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, – сказал Джафар, – у меня было на уме попросить у тебя этот кафтан! Но я сейчас поеду к этому рыбаку и куплю у него кафтан!" – "Клянусь Аллахом, он отрезал треть кафтана со стороны подола и погубил его! – воскликнул халиф. – Но я устал, о Джафар, от ловли в реке, так как я наловил много рыбы и она на берегу реки, у моего хозяина Халифы, который стоит там и ждет, пока я вернусь, захватив для него две корзины и с ними резак. А потом я пойду с ним на рынок, и мы продадим рыбу и поделим плату за нее". – "О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – а я приведу вам того, кто будет у вас покупать". – "О Джафар, – воскликнул халиф, – клянусь моими пречистыми отцами, всякому, кто принесет мне рыбину из рыбы, что лежат перед Халифой, который научил меня ловить, я дам за нее золотой динар!"

И глашатай кликнул клич среди свиты: "Идите покупать рыбу повелителя правоверных!" И невольники пошли и направились к берегу реки. И когда Халифа ждал, что повелитель правоверных принесет ему корзины, невольники вдруг ринулись на него, точно орлы, и схватили рыбу и стали класть ее в платки, шитые золотом, и начали из–за нее драться. И Халифа воскликнул: "Нет сомнения, что эта рыба – райская рыба!" – и взял две рыбины в правую руку и две рыбины в левую руку и вошел в воду по горло и стал кричат: "Аллах! Ради этой рыбы пусть твой раб–флейтист, мой товарищ, сейчас же придет!"

И вдруг подошел к нему один негр. А этот негр был начальником всех негров, что были у халифа, и он отстал от невольников, потому что его конь остановился на дороге помочиться. И когда этот негр подъехал к Халифе, он увидел, что рыбы не осталось нисколько – ни мало, ни много. Он посмотрел направо и налево и увидел, что Халифа–рыбак стоит в воде с рыбой и сказал: "Эй, рыбак, пойди сюда". – "Уходи без лишних слов", – ответил рыбак. И евнух подошел к нему и сказал: "Подай сюда эту рыбу, а я дам тебе деньги". – "Разве у тебя мало ума? – сказал Халифа–рыбак евнуху. – Я ее не продаю". И евнух вытащил дубинку, и Халифа закричал: "Не бей, несчастный! Награда лучше дубинки!" А потом он бросил ему рыбу, и евнух взял ее и положил в платок и сунул руку в карман, но не нашел там ни одного дирхема. "О рыбак, – сказал тогда негр, – твоя доля злосчастная: клянусь Аллахом, со мной нет нисколько денег. Но завтра приходи в халифский дворец и скажи: "Проведите меня к евнуху Сандалю", и слуги приведут тебя ко мне, и когда ты придешь ко мне туда, тебе достанется то, в чем будет тебе счастье, и ты возьмешь это и уйдешь своей дорогой!" И Халифа воскликнул: "Сегодня благословенный день, и благодать его была видна с самого начала". А потом он положил сеть на плечо и шел, пока не вошел в Багдад, и прошел по рынкам, и люди увидели на нем одежду халифа и стали смотреть на него.

И Халифа вошел в свою улицу, а лавка портного повелителя правоверных была у ворот этой улицы, и портной увидал Халифу–рыбака в халате, который стоил тысячу динаров и принадлежал к одеждам халифа, и сказал: "О Халифа, откуда у тебя эта фарджия?" [620] – "А ты чего болтаешь? – ответил Халифа. – Я взял ее у того, кого я научил ловить рыбу, и он стал моим слугой, и я простил его и не отрубил ему руки, так как он украл у меня одежду и дал мне этот кафтан вместо нее". И портной понял, что халиф проходил мимо рыбака, когда тот ловил рыбу, и пошутил с ним и дал ему эту фарджию..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что портной понял, что халиф проходил мимо Халифы–рыбака, когда тот ловил рыбу, и пошутил с ним и дал ему эту фарджию, и рыбак отправился домой, и вот то, что с ним было.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Что же касается халифа Харуна ар–Рашида, то он по ехал на охоту и ловлю, только чтобы отвлечься от невольницы Кут–аль–Кулуб. А когда Зубейда услышала об этой невольнице и о том, что халиф ею увлекся, ее охватила ревность, которая охватывает женщин, и она отказалась от пищи и питья и рассталась со сладостью сна и стала выжидать отсутствия халифа или его отъезда, чтобы расставить Кут–аль–Кулуб сети козней. И, узнав, что халиф выехал на охоту и ловлю, она приказала невольницам устлать дворец коврами и умножила украшения и роскошь и поставила кушанья и сладости и приготовила в число всего этого фарфоровое блюдо с самой лучшей, какая бывает, халвой и положила в нее банджа, примешав его к ней. И потом она приказала кому–то из евнухов сходить за невольницей Кут–аль–Кулуб и позвать ее к трапезе Ситт–Зубейды, дочери аль–Касима, жены повелителя правоверных, и сказать: "Жена повелителя правоверных пила сегодня лекарство, а она слышала, что ты хорошо поешь, и хочет видеть чтонибудь из твоего искусства". И невольница отвечала: "Слушаю и повинуюсь Аллаху и Ситт–Зубейде!" И в тот же час и минуту она поднялась, не зная, что скрыто для нее в неведомом, и, взяв нужные ей инструменты, пошла с евнухом и шла до тех пор, пока не вошла к СиттЗубейде.

И, войдя к ней, она поцеловала землю меж ее руками множество раз и поднялась на ноги и сказала: "Привет высокой завесе и неприступному величию, отпрыску Аббасидов и члену семьи пророка – да приведет тебя Аллах к преуспению и миру на дни и на годы!" – и стала между других невольниц и евнухов. И тогда СиттЗубейда подняла к ней голову и взглянула на ее красоту И прелесть, и она увидела девушку с овальными щеками и грудями, подобными гранатам, с лицом, как месяц, с блестящим лбом и черным оком, и веки ее покоились в истоме, а лицо ее блистало светом, и словно бы солнце всходило от ее лба, и мрак ночи нисходил от ее кудрей, и мускусом веяло от ее дыханья. И цветы сверкали в ее красоте, и луну являло ее чело, и ветвью стан ее изгибался, и была она подобна полной луне, что засияла во мраке ночи. И глаза ее ласкали любовью, а брови изгибались, как лук, и уста ее были выточены из коралла, и она ошеломляла красотой смотрящего и очаровывала взором видящего, – возвышен тот, кто ее сотворил, придал ей совершенство и ее соразмерил! – и была такова, как сказал поэт о сходной с нею:

Разгневается, и видишь: все убиты,

Простит, и снова души к ним вернутся.

Глазами мечет взоры колдовские,

Шлет смерть и жизнь тому, кому желает,

Зрачками в плен берет она народы,

Как будто стали люди ей рабами.

И сказала Ситт–Зубейда девушке: "Приют, уют и простор тебе, о Кут–аль–Кулуб! Садись и покажи нам твою работу и прекрасное твое искусство!" И Кут–аль–Кулуб отвечала: "Хорошо!" – и, протянув руку, взяла бубен, о котором сказал кто–то такие стихи:

О дар, взлетает сердце от желанья

И громко кричит, коль бьют по тебе рукою.

Пленил ведь ты израненное сердце,

И ударять тебя мужам приятно.

Скажи же слово ты, легко иль тяжко

Звучи как хочешь, – ты увеселяешь.

Будь радостен и стыд отбрось, влюбленный,

Пляши, склонись, диви и удивляйся.

И затем она ударила многими ударами и запела так, что остановила птиц, и все вокруг взволновалось, а потом она положила бубен и взяла свирель, о которой сказан такой стих:

Глаза у нее, и их зрачки людям пальцами

Указывают напев лишь верный, сомненья нет.

И также сказал поэт еще такой стих:

Когда дойдет она до цели песен,

Приятно время радостью сближенья.

А потом она положила свирель, после того как пришли из–за нее в восторг все присутствующие, и взяла лютню, о которой поэт сказал:

О свежая ветвь, что стала лютней певицы той,

Влечет благородных и достойных к себе она,

И щиплет певица струны, чтоб испытать ее,

И пальцы ее – как цепь, прекрасно сплетенная

И Кут–аль–Кулуб натянула струны лютни, подвинтила колки и положила ее на колени и наклонилась над ней, как мать наклоняется над своим ребенком, и казалось, что о ней и о ее лютне сказал поэт такие стихи:

Персидскою глаголет струной она.

И все поймут, кто прежде понять не мог.

"Любовь – убийца", – нам говорит она.

И разум губит всех мусульман она.

О девушка! Создатель рукой ее

Заставил расписное заговорить.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И лютнею сдержала любви поток,

Как ловкий врач сдержать бы мог крови ток.

И она ударила на четырнадцать ладов и спела под лютню полный круг, так что ошеломила смотрящих и привела в восторг слушающих, и потом произнесла такие два стиха:

"Мой приход к тебе благодатен был,

В нем радость вечно новая,

Успехи в нем сменяются

И счастье не кончается..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот сорока, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка Кут-альКулуб пропела стихи и ударила по струнам перед Ситт-Зубейдой, а потом она встала и начала показывать фокусы и проворство рук и всякие прекрасные штуки, так что Ситт-Зубейда чуть не влюбилась в нее и подумала: "Нельзя упрекать ар-Рашида, сына моего дяди, за любовь к ней". А потом девушка поцеловала перед Зубейдой землю и села, и ей подали кушанье и затем подали халву и блюдо, в котором был бандяс. И Кут-аль-Кулуб поела с него, и не утвердилась еще халва у нее во внутренностях, как ее голова запрокинулась, и она упала на землю, спящая. И Ситт-Зубейда сказала невольникам: "Унесите ее в одну из комнат, пока я ее не потребую". И они сказали ей: "Слушаем и повинемся!" А затем она сказала одному из евнухов: "Сделай нам сундук и принеси его мне". И она приказала сделать изображение могилы и распространить весть, что невольница подавилась и умерла, и предупредила своих приближенных, что всякому, кто скажет, что Кут-аль-Кулубжина, она отрубит голову.

И вдруг халиф в этот час приехал с охоты и ловли и, как только начал спрашивать, спросил о девушке. И к нему подошел один из его слуг (а Ситт-Зубейда научила его, чтобы, когда халиф спросит про Кут-аль-Кулуб, он сказал, что она умерла) и поцеловал перед ним землю и сказал ему: "О господин, да живет твоя голова! Узнай, что Кут-аль-Кулуб подавилась кушаньем и умерла". И халиф воскликнул: "Да не обрадует тебя Аллах вестью о благе, о злой раб!" И он вошел во дворец и услышал о смерти девушки от всех, кто был во дворце, и спросил: "Где ее могила?" И его привели к гробнице и показали ему могилу, которая была сделана для обмана, и сказали: "Вот ее могила!" И, увидев ее, халиф закричал и обнял могилу и заплакал и произнес такие два стиха:

"Могила – творцом молю! Исчезла ль краса ее?

Ужель изменилась эта внешность прекрасная?

Могила, не свод ведь ты небес и не сад ведь ты.

Так как же слились в тебе и месяц и ветвь в одно?"

И потом халиф заплакал над нею сильным плачем и провел в том месте долгое время, а затем он ушел от могилы, будучи в крайней печали. И Ситт-Зубейда узнала, что ее хитрость удалась, и сказала евнуху: "Подай сундук!" И евнух принес его к ней, и она велела принести невольницу и положила ее в сундук, а потом сказала евнуху: "Постарайся продать сундук и поставь тому, кто его купит, условие, чтобы он купил его запертым, а потом раздай плату за него как милостыню". И евнух взял сундук и вышел от нее и исполнил ее приказание, и вот то, что было с этими.

Что же касается до Халифа-рыбака, то, когда наступило утро и засияло светом и заблестало, он сказал себе:

"Нет у меня сегодня лучшего дела, чем пойти к тому евнуху, что купил у меня рыбу, – он со мной условился, чтобы я пришел к нему в халифский дворец". И Халифа вышел из своего дома и направился во дворец халифата, и, придя туда, он увидел там невольников, рабов и слуг, которые стояли и сидели. И он всмотрелся в них и вдруг видит: тот евнух, что взял у него рыбу, сидит, и невольники прислуживают ему. И один слуга из невольников Закричал на него, и евнух обернулся, чтобы посмотреть, что такое, и вдруг видит – это рыбак! И когда Халифа понял, что он увидел его и узнал, кто он такой, он крикнул ему: "Ты не оплошал, о Рыженький! Таковы бывают люди верные!" И, услышав его слова, евнух засмеялся и сказал: "Клянусь Аллахом, ты прав, о рыбак!"

И потом евнух Сандаль хотел дать ему что-нибудь и сунул руку в карман. И вдруг раздались великие крики, и евнух поднял голову, чтобы посмотреть в чем дело, и видит: везирь Джафар Бармакид выходит от халифа. И, увидав его, евнух поднялся на ноги и пошел к нему навстречу, и они стали разговаривать и ходили, и время продлилось, и Халифа простоял немного, но евнух не обращал на него внимания. А когда рыбак простоял долго, он встал против евнуха, будучи в отдалении, и сделал ему знак рукой и крикнул: "О господин мой Рыжий, дай мне уйти!" И евнух услышал его, но постыдился ему ответить в присутствии везиря Джафара и стал разговаривать с везирем, притворяясь, что ему не до рыбака. И тогда Халифа воскликнул: "О затягивающий плату, да обезобразит Аллах всех неприветливых и всех тех, кто берет у людей их вещи и потом неприветлив с ними! Я вхожу под твою защиту, о господин мой Отрубяное Брюхо, дай мне то, что мне следует, чтобы я мог уйти!"

И евнух услышал его, и ему стало стыдно перед Джафаром. И Джафар тоже увидел, что Халифа делает руками знаки и разговаривает с евнухом, но только не знал, что он говорит. И везирь сказал евнуху, не одобряя его: "О евнух, чего просит у тебя этот бедный нищий?" И Сандаль-евнух сказал ему: "Разве ты не знаешь этого человека, о владыка везирь?" – "Клянусь Аллахом, я его не знаю, и откуда мне его знать, когда я его только сейчас увидел?" – ответил везирь Джафар. И евнух сказал ему: "О владыка, это тот рыбак, у которого мы расхватали рыбу на берегу Тигра. А я уже ничего не застал, и мне было стыдно вернуться к повелителю правоверных ни с чем, когда все невольники что-нибудь захватили, и я подъехал к рыбаку и увидел, что он стоит посреди реки и призывает Аллаха и у него четыре рыбы, и сказал ему: "Давай то, что у тебя есть, и возьми то, что это стоит". И когда он отдал мне рыбу, я сунул руку в карман и хотел дать ему что-нибудь, но ничего не нашел и сказал рыбаку: "Приходи ко мне во дворец, и я дам тебе что-нибудь, чем ты сможешь себе в бедности". И он пришел ко мне сегодня, и я протянул руку и хотел что-нибудь ему дать, но пришел ты, и я поднялся, чтобы служить тебе, и отвлекся с тобою от него. И дело показалось ему долгим, и вот его история и причина того, что он стоит..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок первая ночь

Когда же настала восемьсот сорок первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Сандаль-евнух рассказал Джафару Бармакиду рассказ о Халиферыбаке и потом сказал: "И вот его история и причина того, что он стоит". И, услышав слова евнуха, везирь улыбнулся и сказал: "О евнух, этот рыбак пришел в минуту нужды, и ты ее не исполняешь? Разве ты не знаешь его, о начальник евнухов?" – "Нет", – отвечал евнух. И везирь сказал: "Это учитель повелителя правоверных и его товарищ. А сегодня у нашего владыки-халифа стеснена грудь, и опечалено сердце, и ум его занят, и ничто не расправит ему груди, кроме этого рыбака. Не давай же ему уйти, пока я не поговорю о нем с халифом и не приведу его к нему. Может быть, Аллах облегчит его состояние и заставит его забыть об утрате Кут-аль-Кулуб по причине прихода этого рыбака, и халиф даст ему что-нибудь, чем он себе поможет, и ты будешь причиной этого". – "О владыка, делай что хочешь, Аллах великий да оставит тебя столпом правления повелителя правоверных! – продли Аллах его тень и сохрани его ветвь и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

корень"! – сказал евнух.

И везирь Джафар пошел, направляясь к халифу, а евнух велел невольникам не оставлять рыбака. И тогда Халифа–рыбак воскликнул: "Как прекрасна твоя милость, о Рыженький, – с требующего стали требовать. Я при шел требовать мои деньги, и меня задержали за недоимки". А Джафар, войдя к халифу, увидел, что он сидит, склонив голову к земле, со стесненной грудью, в глубоком раздумье, и напевает стихи поэта:

"Хулители принуждают милую позабыть,

Но с сердцем что делать мне – не слушается оно.

И как я забыть могу любовь этой девочки

В разлуке нет пользы от забвенья любви ее.

Того не забуду я, как кубок ходил меж пас

И хмель от вина очей ее преклонял меня".

И Джафар, оказавшись меж рук халифа, сказал ему: "Мир над тобой, о повелитель правоверных и защитник святыни веры, сын дяди господина посланных, да благословит Аллах и да приветствует его и весь его род!" И халиф поднял голову и сказал: "И над тобой мир и милость Аллаха и благословение его!" И тогда Джафар молвил: "С позволения повелителя правоверных заговорит его слуга, и не будет в этом прегрешения". – "А когда было прегрешение в том, что ты заговаривал, когда ты – господин везирей? Говори что хочешь", – сказал халиф. И везирь Джафар молвил: "Я вышел от тебя, о владыка, направляясь домой, и увидел, что твой наставник, учитель и товарищ, Халифа–рыбак стоит у ворот и сердится на тебя и жалуется и говорит: "Клянусь Аллахом, я научил его ловить рыбу, и он ушел, чтобы принести мне корзины, и не вернулся ко мне. Так не делают в товариществе и так не поступают с учителями!" И если у тебя, о владыка, есть желание быть с ним в товариществе, тогда – не беда, а если нет, – осведоми его, чтобы он взял в товарищи другого".

И когда халиф услышал слова Джафара, он улыбнулся, и прошло стеснение его груди, и он сказал Джафару: "Заклинаю тебя жизнью – правду ли ты говоришь" что рыбак стоит у ворот?" – "Клянусь твоей жизнью, повелитель правоверных, он стоит у ворот", – сказал Джафар. И тогда халиф воскликнул: "О Джафар, клянусь Аллахом, я постараюсь сделать ему должное, и если желает ему Аллах через мои руки несчастья, он получит его, а если он желает ему через мои руки счастья, он получит его!" И потом халиф взял бумажку и разорвал ее на куски и сказал: "О Джафар, напиши твоей рукой двадцать количеств – от динара до тысячи динаров, и столько же степеней власти и везирства – от ничтожнейшего наместничества до халифата, и двадцать способов всяких пыток – от ничтожнейшего наказания до убиения". И Джафар отвечал: "Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!" И он написал на бумажках своей рукой то, что приказал ему халиф. И халиф молвил: "О Джафар, клянусь моими пречистыми отцами и моим родством с Хамзой и Акилем [621]. Я хочу, чтобы привели Халифу–рыбака, и прикажу ему взять бумажку из этих бумажек, надпись на которых известна только мне и тебе, и что там окажется, то я и дам ему, и если бы оказался это халифат, я бы сложил его с себя и отдал бы его Халифе, и не пожалел бы, а если окажется там повешение, или рассечение, или гибель, я сделаю это с ним. Ступай же и приведи его ко мне!"

И Джафар, услышав эти слова, воскликнул про себя: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Может быть, выйдет этому бедняге что–нибудь, несущее гибель, и я буду причиной этого! Но халиф поклялся, и рыбаку остается только войти, и будет лишь то, чего желает Аллах". И он отправился к Халифе–рыбаку и схватил его за руку, чтобы увести его, и разум Халифы улетел у него из головы, и он подумал: "Что я за дурень, что пришел к этому скверному рабу. Рыженькому, и он свел меня с Отрубяным Брюхом!" А Джафар все вел его, и невольники шли сзади и спереди, и Халифа говорил: "Недостаточно того, что меня задержали, то еще идут сзади и спереди и не дают мне убежать". И Джафар шел с ним, пока не прошел через семь проходов, и потом он сказал Халифе: "Горе тебе, о рыбак! Ты будешь стоять меж руками повелителя правоверных и защитника святыни веры".

И он поднял самую большую завесу, и взор Халифырыбака упал на халифа, который сидел на своем престоле, а вельможи правления стояли, прислуживая ему. И, узнав халифа, рыбак подошел к нему и сказал: "Приют и уют, о флейтист! Нехорошо, что ты стал рыбаком, а потом оставил меня сидеть с сторожить рыбу, а сам ушел и не пришел. А я не успел опомниться как подъехали невольники на разноцветных животных и похватали мою рыбу, когда я стоял одни, в все это из–за твоей головы. А если бы ты быстро принес корзины, мы бы продали рыбы на сто динаров. Но я пришел требовать то, что мне следует, и меня задержали. А ты? Кто задержал тебя в этом месте?"

И халиф улыбнулся и, приподняв край занавески, высунул из–за нее голову и сказал: "Подойди и возьми бумажку из этих бумажек". И Халифа–рыбак сказал повелителю правоверных: "Ты был рыбаком, а теперь ты, я вижу, стал звездочетом. Но у кого много ремесел, у того велика бедность". "Бери скорей бумажку, без разговоров, и исполняй то, что тебе приказал повелитель правоверных", – сказал Джафар.

И Халифа–рыбак подошел и протянул руку, говоря: "Не бывать, чтобы этот флейтист снова стал моим слугой и ловил со мной рыбу!" И затем он взял бумажку и протянул ее халифу и сказал: "О флейтист, что мне в ней вышло? Не скрывай ничего!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок вторая ночь

Когда же настала восемьсот сорок вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа–рыбак взял одну из бумажек, он подал ее халифу и сказал: "О флейтист, что мне в ней вышло? Не скрывай ничего". И халиф взял бумажку в руку, подал ее везирию Джафару и сказал: "Читай, что в ней написано!" И Джафар посмотрел на бумажку и воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" – "Добрые вести, о Джафар? Что ты в ней увидел?" – спросил халиф. И Джафар ответил: "О повелитель правоверных, в бумажке оказалось: "Побить рыбака сотней палок!" И халиф приказал побить его сотней палок.

И его приказание исполнили и побили Халифу сотнею палок, и потом он поднялся, говоря: "Прокляни, Аллах, эту игру, о Отрубяное Брюхо! Разве заточение и побои тоже часть игры?" И Джафар сказал: "О повелитель правоверных, этот бедняга пришел к реке, и как ему вернуться жаждающим? Мы просим от милости повелителя правоверных, чтобы этот рыбак взял еще одну бумажку. Может быть, в ней что–нибудь для него выйдет и он уйдет с этим обратно и будет помощь ему против бедности". – "Клянусь Аллахом, о Джафар, – сказал халиф, – если он возьмет бумажку и выйдет ему в ней убиение, я непременно убью его, и ты будешь этому причиной". – "Если он умрет, то отдохнет", – сказал Джафар. И Халифарыбак воскликнул: "Да не обрадует тебя Аллах вестью о благе! Тесно вам стало, что ли, из–за меня в Багдаде, что вы хотите меня убить?" – "Возьми бумажку и проси решения у великого Аллаха", – сказал ему Джафар.

И рыбак протянул руку и, взяв бумажку, подал ее Джафару, и Джафар взял ее и, прочитав, молчал. "Что же ты молчишь, о сын Яхьи?" – спросил халиф. И Джафар ответил: "О повелитель правоверных, в бумажке вышло: "Не давать рыбаку ничего". – "Нет ему у нас надела, – сказал халиф, – скажи ему, чтобы он уходил от моего лица". – "Заклинаю тебя твоими пречистыми отцами, – сказал Джафар, – дай ему взять третью: может быть, выйдет ему в ней достаток". – "Пусть возьмет еще одну бумажку – и больше ничего", сказал халиф. И рыбак протянул руку и взял третью бумажку, и вдруг в ней оказалось: "Дать рыбаку динар!" И Джафар сказал Халифе–рыбаку: "Я искал для тебя счастья, но не захотел для тебя Аллах ничего, кроме этого динара". И Халифа воскликнул: "Каждая сотня палок за динар – великое благо, да не сделает Аллах здоровым твоего тела!" И халиф засмеялся, а Джафар взял Халифу за руку и вышел.

И когда рыбак подошел к воротам, его увидел евнух Сандаль и сказал ему: "Пойди сюда, о рыбак, пожалуй нам что–нибудь из того, что дал тебе повелитель правоверных, когда он шутил с тобой". – "Клянусь Аллахом, твоя правда, о Рыженький, – отвечал Халифа. – Разве ты хочешь, чтобы я с тобой поделился, о чернокожий? Я съел сотню палок и взял один динар, и ты свободен от ответственности за него!" И он бросил евнуху динар и вышел, и слезы текли по поверхности его щек. И, увидав его в таком состоянии, евнух понял, что он говорит правду,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

и вернулся к нему и крикнул слугам, чтобы они привели его обратно. И когда рыбака привели обратно, евнух сунул руку в карман и, вынув оттуда красный кошель, развязал его и вытряхнул, и вдруг в нем оказалось сто золотых динаров. "О рыбак, возьми это золото за твою рыбу и ступай своей дорогой", – сказал евнух. И тут Халифа–рыбак обрадовался и, взяв сотню динаров и динар халифа, вышел, уже забыв о побоях.

И так как Аллах великий желал осуществления того, что было им решено, Халифа–рыбак проходил по рынку невольниц и увидел большой кружок, в котором стояло много народа, и сказал про себя: "Что это за люди?" И он подошел и прошел среди людей – купцов и других. А купцы сказали: "Дайте место капитану Зудейту!" [622] И ему дали место, и Халифа посмотрел и видит: стоит старик и перед ним – сундук, и на сундуке сидит евнух, а старик кричит и говорит: "О купцы, о владельцы денег, кто отважится и поспешит что–нибудь дать за этот неведомый сундук из дома Ситт–Зубейды, дочери аль–Касима, жены повелителя правоверных ар–Рашида? По сколько с вас, благослови вас Аллах?"

И один из купцов сказал: "Клянусь Аллахом, это дело опасное! Я скажу слово, и нет на мне за него упрека: Сундук за мной за двадцать динаров!" И другой сказал: "За пятьдесят динаров!" И купцы набавляли, пока цена не дошла до ста динаров, и зазыватель сказал: "Будет ли от вас добавка, о купцы?" И Халифа–рыбак крикнул: "За мной, за сто динаров и динар!" И когда купцы услышали слова Халифы, они подумали, что он шутит, и засмеялись и сказали: "О евнух, продай Халифе за сто динаров и динар!" – "Клянусь Аллахом, я продам его только ему! – воскликнул евнух. – Бери, о рыбак, да благословит тебя в нем Аллах, и давай золото!" И Халифа вынул золото и отдал его евнуху, и сделка состоялась, а потом евнух роздал это золото, стоя на месте, и вернулся во дворец и осведомил Ситт–Зубейду о том, что он сделал, и она обрадовалась.

А Халифа–рыбак понес сундук на плече, но не мог его нести из–за его великого веса, и тогда он понес его на голове. И он пришел в свою улицу и снял сундук с головы (а он устал) и сел, размышляя о том, что с ним случилось, и стал говорить в душе: "О, если бы знать, что такое в этом сундуке!" И он открыл дверь своего дома и возился с сундуком, пока не внес его в дом, а потом постарался его открыть, но не смог. И тогда он сказал про себя: "Что случилось с моим умом, что я купил этот сундук? Его непременно надо взломать, и я посмотрю, что есть в нем". И он стал возиться с замком, но не мог его сломать и сказал про себя: "Оставлю его до завтра". И он хотел лечь спать, но не нашел места, где бы лечь, так как сундук пришелся как раз по мерке комнаты. И Халифа влез на сундук и лег на нем и пролежал некоторое время и вдруг слышит: что–то шевелится. И Халифа испугался, и сон убежал от него, и ум его улетел..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок третья ночь

Когда же настала восемьсот сорок третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Халифа–рыбак лег на сундук и пролежал некоторое время и вдруг слышит: что–то шевелится. И Халифа испугался, и его ум улетел, и он встал после сна и сказал: "Похоже, что в нем джинны! Хвала Аллаху, который не дал мне его открыть. Если бы я его открыл, они напали бы на меня в темноте и погубили бы меня, и мне не досталось бы от них добра".

И потом он вернулся и лег и вдруг почувствовал, что сундук зашевелился второй раз сильнее, чем первый! И Халифа поднялся на ноги и сказал: "Вот и второй раз, но только это страшно!" И он побежал за светильником, но не нашел его, а ему не на что было купить светильник, и тогда он вышел из дома и закричал: "О жители улицы!" А большинство жителей улицы спало, и они проснулись от его крика и спросили: "Что с тобой, о Халифа?" И Халифа сказал: "Приходите ко мне со светильником: на меня напали джинны". И над ним посмеялись и дали ему светильник, и он взял его и вошел в свой дом и, ударив камнем по замку сундука, сломал его и открыл сундук, и вдруг оказалось, что в нем девушка, подобная гурии, и она лежит в сундуке. А ее одурманили банджем, и она в эту минуту извергла бандж и очнулась и открыла глаза и, почувствовав, что ей тесно, пошевелилась.

И, увидав ее. Халифа подошел к ней и сказал: "Ради Аллаха, о госпожа, откуда ты?" И девушка открыла глаза и сказала: "Подай мне Ясмин и Нарджис!" – "Здесь есть только тамар–хенна" [623], – ответил рыбак. И девушка пришла в себя и увидела Халифу и спросила: "Что ты такое?" – "А где я?" – спросила она потом. И Халифа ответил: "Ты у меня в доме". – "А разве я не во дворце халифа Харуна ар–Рашида?" – спросила девушка. И рыбак воскликнул: "Какой там ар–Рашид, о бесноватая! Ты всего лишь моя невольница, и сегодня я купил тебя за сто динаров и динар и принес тебя ко мне домой, и ты лежала в этом сундуке". И, услышав его слова, девушка спросила: "Как твое имя?" И Халифа ответил: "Мое имя Халифа. С чего это моя звезда стала счастливой, когда я знаю, что моя звезда не такова?" И девушка засмеялась и сказала: "Оставь эти разговоры! Найдется у тебя что–нибудь поесть?" – "Нет, клянусь Аллахом, и пить тоже нечего! – ответил Халифа. – Клянусь Аллахом, я уже два дня ничего не ел и теперь нуждаюсь в куске". – "Разве у тебя нет денег?" – спросила девушка. И Халифа ответил: "Аллах, сохрани этот сундук, который сделал меня бедным! Я выложил за него все, что имел, и разорился". И девушка засмеялась и сказала: "Пойди попроси для меня у соседей что–нибудь поесть – я голодна".

И Халифа вышел из дому и закричал: "О жители улицы!" А они спали и проснулись и спросили: "Что с тобой, о Халифа". – "О соседи, – ответил Халифа, – я голоден, и мне нечего есть!" И один сосед принес ему лепешку, другой – ломоть, третий – кусок сыру, четвертый – огурец, и пола его платья наполнилась. И он вошел в дом и положил все это перед девушкой и сказал: "Ешь!" И она засмеялась и сказала: "А как я буду это есть, когда у меня нет кувшина воды, чтобы напиться. Я боюсь подавиться куском и умереть". – "Я наполню для тебя этот кувшин", – сказал Халифа и взял кувшин и вышел на середину улицы и закричал: "Эй, жители улицы!" И его спросили: "Что у тебя за беда сегодня ночью, о Халифа?" И он сказал: "Вы дали мне кушанья, и я поел, по мне захотелось пить – напоите же меня".

И один сосед принес ему кружку, другой – кувшин, а третий – бутылку, и Халифа наполнил свой кувшин и вошел в дом и сказал девушке: "О госпожа, не осталось у тебя никаких желаний". – "Правильно, у меня не осталось сейчас никаких желаний", – ответила девушка. И Халифа сказал: "Поговори со мной и Расскажи мне твою историю". – "Горе тебе, – воскликнула девушка, – если ты меня не знаешь, то я осведомлю тебя о себе. Я Кут–аль–Кулуб, невольница халифа Харуна ар–Рашида, и Ситт–Зубейда приревновала ко мне и одурманила меня банджем и положила в этот сундук. Хвала Аллаху, – сказала потом девушка, – что случилось это легкое дело и не было другого! Но это произошло со мной только из–за твоего счастья, и ты непременно должен взять у халифа ар–Рашида много денег, которые будут причиной твоего богатства". – "А это не тот ар–Рашид, во дворце которого меня задержали?" – спросил Халифа. И девушка ответила: "Да". И тогда Халифа воскликнул: "Клянусь Аллахом, я не видел никого скупее! Вот флейтист с малым благом и умом. Он побил меня вчера сотнею палок и дал мне один динар, хотя я научил его ловить рыбу и вступил с ним в товарищество, но он обманул меня". – "Брось эти скверные речи и открой глаза, сказала девушка. – Держи себя пристойно, когда увидишь его следующий раз, и ты достигнешь желаемого".

И когда Халифа услышал ее слова, он как будто пробудился, а был спящим, и Аллах снял завесу с его зоркости, ради его счастья. И он ответил девушке: "На голове и на глазах! – и потом сказал: – Во имя Аллаха, ложись спать!" И она поднялась и легла, и Халифа проспал вдали от нее до утра. А утром Кут–аль–Кулуб потребовала у него чернильницу и листок бумаги, и Халифа принес их. И она написала тому купцу, что был приятелем халифа, и рассказала ему о своих обстоятельствах и обо всем случившемся с нею, а также о том, что она у Халифы–рыбака, который ее купил. А потом она отдала бумажку Халифе и сказала: "Возьми эту бумажку и пойди на рынок драгоценных камней. Спроси, где лавка Ибн аль–Кирнаса, ювелира, и отдай ему эту бумажку и ничего не говори". И Халифа сказал: "Слушаю и повинуюсь!"

И он взял бумажку у нее из рук и пошел на рынок драгоценностей и спросил, где лавка Ибн аль–Кирнаса, и его провели к ней. И Халифа подошел и приветствовал купца, и тот ответил на его приветствие, но рыбак был презренным в его глазах. "Что тебе нужно?" – спросил он. И Халифа протянул ему бумажку, и купец взял ее и не стал читать, так как он думал, что Халифа – нищий и просит милостыню, и сказал одному из своих слуг: "Дай ему полдирхема". – "Мне не нужно милостыни, но прочитай бумажку", – сказал тогда Халифа. И Ибн аль–Кирнас взял бумажку и прочитал ее и понял, что на ней написано, и, узнав, что написано на бумажке, он поцеловал ее и положил себе на голову..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок четвертая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала восемьсот сорок четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ибн аль-Кирнас прочитал бумажку и понял, что в ней написано, он поцеловал ее и положил себе на голову и, поднявшись на ноги, сказал: "О брат мой, где твой дом?" – "А на что тебе мой дом? Разве ты хочешь пойти туда и украсть мою невольницу?" – спросил Халифа. "Нет, напротив, я куплю тебе с ней чего-нибудь поесть", – ответил Ибн аль-Кирнас. И Халифа сказал: "Мой дом в такой-то улице". – "Прекрасно, пусть не даст тебе Аллах здоровья, о несчастный!" – сказал Ибн аль-Кирнас. И потом он кликнул двух рабов из своих рабов и сказал им: "Пойдите с этим человеком в лавку Мухсина, менялы, и скажите ему: "О Мухсин, дай этому тысячу золотых динаров!" А потом возвращайтесь с ним ко мне поскорее".

И рабы пошли с Халифой в лавку менялы и сказали ему: "О Мухсин, дай этому человеку тысячу золотых динаров!" И Мухсин дал их ему, и Халифа взял деньги и вернулся с рабами к лавке их господина. И они нашли сто сидящим на пегом муле, ценою в тысячу динаров, и невольники и слуги окружали его, а рядом с его мулом был такой же мул, оседланный и взнузданный. И Ибн аль-Кирнас сказал Халифе: "Во имя Аллаха! Садись на этого мула!" И Халифа воскликнул: "Я не сяду! Клянусь Аллахом, я боюсь, что он меня сбросит!" – "Клянусь Аллахом, ты непременно должен сесть на него", – сказал ему купец Ибн аль-Кирнас. И Халифа подошел, чтобы сесть на мула, и сел на него задом наперед и схватил мула за хвост и закричал, и мул сбросил его на землю. И над Халифой стали смеяться, и он поднялся и сказал: "Не говорил ли я тебе: "Я не сяду на этого большого осла!"

И тогда Ибн аль-Кирнас оставил Халифу на рынке и отправился к повелителю правоверных и осведомил его о невольнице, а потом он вернулся и перевез ее в свой дом. А Халифа пошел домой, чтобы посмотреть на невольницу, и увидел, что жители его улицы собрались и говорят: "Сегодня Халифа совсем перепуган. Посмотреть бы, откуда у него эта невольница". И кто-то сказал: "Это сумасшедший сводник! Может быть, он нашел ее на дороге, пьяную, и понес ее и принес в свой дом, и он скрылся только потому, что знает свой грех".

И когда они разговаривали, вдруг подошел к ним Халифа, и ему сказали: "Каково тебе, о бедняга? Разве ты не знаешь, что с тобой случилось?" "Нет, клянусь Аллахом", – ответил Халифа. И ему сказали: "Сейчас пришли невольники и взяли твою невольницу, которую ты украл, и они искали тебя, но не нашли". – "Как – взяли мою невольницу?" – спросил Халифа. И кто-то сказал:

"Если бы ты попался, тебя бы убили". Но Халифа не обратил на этих людей внимания, а вернулся бегом в лавку Ибн аль-Кирнаса и увидел, что он выезжает, и воскликнул: "Клянусь Аллахом, это нехорошо! Ты отвлек меня и послал твоих невольников, и они взяли мою невольницу". – "О бесноватый, пойди сюда и молчи!" – ответил Ибн аль-Кирнас. И потом он взял его с собой и привел к красиво построенному дому и вошел с ним туда, и Халифа увидал, что девушка сидит там на золотом ложе и вокруг нее десять невольниц, подобных лунам. И когда Ибн аль-Кирнас увидел эту девушку, он поцеловал землю между ее руками, и Кут-аль-Кулуб спросила его: "Что ты сделал с моим новым господином, который купил меня за все, что имел?" И Ибн аль-Кирнас ответил: "О госпожа, я дал ему тысячу золотых динаров". И он рассказал ей историю Халифы с начала до конца, и девушка засмеялась и сказала: "Не взыскивай с него – он человек простой, – и потом она сказала: – Вот еще тысяча динаров в подарок ему от меня. И если захочет Аллах великий, он возьмет от халифа то, что его обогатит".

И когда они разговаривали, вдруг пришел евнух от халифа, требуя Кут-аль-Кулуб, так как халиф узнал, что она в доме Ибн аль-Кирнаса, и, узнав это, не мог ждать ее и приказал ее привести. И когда Кут-аль-Кулуб пошла к нему, она взяла с собой Халифу и шла до тех пор, пока не пришла к халифу, а придя к нему, девушка поцеловала землю меж его руками. И халиф поднялся для нее и пожелал ей мира и приветствовал ее и спросил, каковы были ее обстоятельства с тем, кто ее купил, и девушка сказала: "Это человек, которого зовут Халифа-рыбак, и вон он стоит у двери. Он мне рассказывал, что у него есть с владыкой нашим, повелителем правоверных, счета из-за товарищества по рыбной ловли, в которое они вступили". – "Он стоит здесь?" – спросил халиф. И девушка отвечала: "Да!"

И тогда халиф приказал привести его, и рыбак явился и поцеловал землю меж рук халифа и пожелал ему вечной славы и благоденствия. И халиф удивился рыбаку и посмеялся над ним и сказал: "О рыбак, разве ты правда был вчера моим товарищем?" И Халифа понял слова повелителя правоверных и ободрил свое сердце и укрепил душу и сказал: "Клянусь тем, кто пожаловал тебе халифат после сына твоего дяди, я не знаю, в чем состояло это товарищество. Мне пришлось только смотреть и говорить". И затем он повторил ему все, что с ним случилось, от начала до конца, и халиф начал смеяться, а потом Халифа рассказал ему историю с евнухом и то, что у него с ним случилось: как евнух дал ему сто динаров, сверх динара, который он получил от халифа, и рассказал ему также, как он пошел на рынок и купил сундук за сто динаров и динар, не зная, что в нем находится, и рассказал ему всю историю с начала до конца. И халиф посмеялся над рыбаком, и расправилась у него грудь, и он воскликнул: "Мы сделаем так, как ты хочешь, о приводящий достояние к его обладателю!"

И Халифа умолк, а после этого халиф велел выдать ему пятьдесят тысяч динаров золотом и роскошную одежду, из одеяний великих халифов, и мула и подарил ему рабов из числа черных, которые прислуживали ему. И стал Халифа как бы одним из царей, существовавших в это время.

Что же касается халифа, то он обрадовался прибытию своей невольницы и понял, что все это – дела Ситт-Зубейды, дочери его дяди..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок пятая ночь

Когда же настала восемьсот сорок пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф обрадовался возвращению Кут-аль-Кулуб и понял, что все это – дела Ситт-Зубейды, дочери его дяди, и велик стал его гнев на нее, и он оставил ее на некоторое время и не входил к ней и не имел к ней склонности.

И когда Ситт-Зубейда убедилась в этом, ее охватила из-за гнева халифа большая забота, и цвет ее лица пожелтел после румянца, и когда ей стало невмоготу терпеть, она послала к сыну своего дяди, повелителю правоверных, извиняясь перед ним и признавая свою вину, и произнесла в письме такие стихи:

"Я склонна к тому, чтобы, как прежде, простили вы,

Чтоб горести и печаль во мне погасить мою.

Владыки, о, сжальтесь же над крайнюю страстью вы,

Того, что уж вынесла от вас я, достаточно.

Терпение кончилось, как нет вас, любимые,

Смутили вы в жизни то, что было безоблачно.

Мне жизнь, если верны вы обетам останетесь,

Мне смерть, если верности мне дать не согласны вы.

Допустим, что я в грехе виновна – простите же,

Аллахом клянусь, сколь мил любимый, когда простит!

И когда дошло послание Ситт-Зубейды до повелителя правоверных, тот прочитал его и понял, что Ситт-Зубейда призналась в своей вине и прислала письмо и извинялась перед ним в том, что сделала, и сказал про себя: "Поистине, Аллах прощает грехи полностью, он есть всепрощающий, милосердый". И он послал ей ответ на ее послание, содержащий прощение и извинение и отпущение того, что прошло, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

охватила Зубейду из–за этою великая радость. А потом халиф назначил Халифе–рыбаку на каждый месяц пятьдесят динаров жалованья, и оказался он у халифа на великом положении и высоком месте, в уважении и почете.

И Халифа поцеловал землю меж рук повелителя правоверных, собираясь выходить, и вышел, горделиво выступая. И когда он подошел к воротам, его увидел евнух, который дал ему сто динаров, и узнал его и спросил: "О рыбак, откуда у тебя все это?" И Халифа рассказал ему, что с ним случилось, с начала до конца, и евнух обрадовался, так как это он был причиной его обогащения, и сказал: "Не дашь ли ты мне награды из тех денег, что оказались у тебя?" И Халифа положил руку в карман и, вынув из него кошель с тысячью золотых динаров, протянул его евнуху. И евнух сказал ему: "Возьми твои деньги, да благословит тебя в них Аллах!" И он очень удивился великодушию Халифы и щедрости его души, несмотря на его бедность. И Халифа ушел от евнуха и поехал на муле, за круп которого держались его слуги, и ехал до тех пор, пока не приехал в хан, а народ смотрел на него и дивился доставшемуся Халифе величию. И люди подошли к нему, когда он сошел с мула, и спросили его о причине такого счастья, и Халифа рассказал им о том, что с ним случилось, с начала до конца. И он купил дом с красивыми колоннами и потратил на него много денег, так что он стал совершенен по качествам, и зажил в этом доме, произнося такие два стиха:

"Взгляни на дом, – похож на дом счастья он,

Он гонит грусть, и хворого лечит он.

Построен был для высших лишь этот дом,

И благо в нем присутствует всякий час".

И когда Халифа расположился в своем доме, он посватался к девушке из дочерей знатных жителей города – одной из прекрасных девушек. И он вошел к ней, и досталось ему крайнее наслаждение и великое счастье и удовольствие, и жил он в великом благоденствии и полном счастии. И когда он увидал себя в таком благоденствии, он возблагодарил Аллаха – слава ему и величие! – за дарованное ему изобильное благо и сменяющие друг друга благоденствия. И стал он восхвалять своего владыку хвалой благодарного, напевая слова поэта:

"Хвала тебе, о господь, чья милость сменяется

Другою и щедрость чья на всех разливается,

Хвала от меня тебе – прими от меня хвалу,

Я помню твои щедроты, блага и милости.

Ты был ко мне щедр, и добр, и кроток, и милостив,

И благо ты сделал мне, и вот вспоминаю я.

Все люди, мы знаем, льют из моря щедрот твоих,

И ты помогаешь им в минуту несчастья.

Господь наш, ты даровал нам вечное счастье

И милостью залил нас, о грех мне прощающий,

Во славу пришедшего к нам, людям, по милости

Пророка преславного, правдивого, чистого,

Его да благословит Аллах, да хранит его,

С помощниками, с семьей, паломник пока идет,

А также сподвижников преславных, достойнейших,

Разумных, пока поют на дереве птицы все".

И потом Халифа стал посещать халифа Харуна ар–Рашида и находил у него приязнь, и ар–Рашид осыпал его своими милостями и щедротами. И Халифа жил в полнейшем счастии, радости, величии и наслаждении, пользуясь великим благоденствием и возраставшим возвышением, хорошей, приятной жизнью и чистым наслаждением, угодным Аллаху, пока не пришла Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава тому, кому присуще величие и вечность, кто всегда жив и никогда не умирает!